

Барокко и камерализм: к интеллектуальной истории экономической МЫСЛИ

Данила Расков

VERSUS

Данила Расков. Хельсинкский коллегийум перспективных исследований (HCAS), университет Хельсинки (УН), Финляндия, danila.raskov@gmail.com.

Барокко как эпоха и стиль в архитектуре, музыке и литературе имеет аналогии в истории ранней политической экономики. Основная задача статьи — показать, что использование понятия «барокко» в интеллектуальной истории экономической мысли позволяет лучше понять как корпус произведений, так и мотивацию авторов. Обычно эпоху, предшествующую классической политической экономике, принято называть меркантилизмом, а камерализм — его немецким проявлением. При близком знакомстве с наиболее яркими фигурами камерализма, такими как Иоганн Иоахим Бехер и Иоганн Генрих Готтлиб Юсти, остаются вопросы. Как понять такую удивительную продуктивность и желание одновременно работать в столь разных областях, не ограничиваться рамками сельского хозяйства, финансов, безопасности, полиции, этики, но затрагивать юриспруденцию, натуральную философию и естественные науки, юмор и такие вопросы, как приготовление красок или превращение песка в золото? К чему такая всеядность и многогранность? К чему неумная подвижность и желание поразить, обаять и в то же время не слишком прояснить дело, создать многословную интригу? К чему такая манера письма и известное прожектерство — смелое и комичное одновременно? В каких-то случаях именно наложение двух понятий (барокко и камерализм) даст лучшее понимание интересующего нас корпуса текстов, так что многие непонятные проявления экономической мысли станут яснее через призму терминов барокко. Витальность, избыточность, стремление к новому пафосу, желание произвести впечатление — увлечь и развлечь, оптимизм и определенная театральность оказываются важными характеристиками текстов и мотивации камералистов.

Ключевые слова: *барокко; камерализм; Иоганн Генрих Готтлиб Юсти; экономическая мысль раннего Нового времени; XVIII век.*

СОВРЕМЕННЫЕ экономисты редко интересуются историей экономической мысли. В профессиональной среде принято считать, что до Адама Смита и не было экономистов, разве что заблуждающиеся и ошибающиеся. Критический подход наиболее авторитетных историков экономической мысли в большей степени отталкивается от достижений современной экономической теории и экономического анализа¹. Оттолкнувшись от современного развития экономической науки, таким образом можно прочертить предысторию, которая показывает путь от заблуждений к истине, а элементы современных концепций получают наибольшее осмысление, хотя для исследуемой эпохи эти элементы могут иметь исключительно вторичное значение. Такой подход ближе представителям дисциплины, история которой пишется специалистами, которые интересуются современными идеями и доктринами, а не историческими штудиями и архивами². Анахронизм соблазнителен тем, что позволяет освежить прошлое, но удаляет от выявления значения текстов, понимания высказанных в них идей. Можно говорить, что представители Саламанкской школы предвосхитили идеи монетаристов, но этот пролепсис лишь искажает интенцию и мысль этой школы³.

В наименьшей степени изученности до сих пор предстает период XVII–XVIII веков, когда экономическая наука не была выделена в отдельную отрасль знания и существовала по большей части как моральная философия, этика и политика. Доклассический период у экономистов принято обозначать как меркантилизм. До Адама Смита была «меркантильная система», принципы которой — протекционизм, положительный торговый баланс, регулирование — подверглись критике классика. В тени меркантилизма оказалось и отдельное течение — камерализм, для простоты чаще обозначаемое как немецкий извод меркантилизма.

Данная статья переосмысливает наследие камерализма и периодизацию истории экономической мысли, сопоставляя с параллельными процессами в сфере искусства. Тем самым

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994; Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004.

2. См. критику Квентина Скиннера, направленную на поиск вневременной мудрости в интеллектуальной истории: Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas//History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.

3. В качестве примера такого подхода см.: Афанасьев А. А. Экономическая мысль в Испании XVI века — Саламанкская школа//Экономика и математические методы, 2004. Т. 40. № 4. С. 26–58.

экономическая мысль вписывается в стилистический контекст эпохи, что позволяет по-новому проинтерпретировать деятельность камералистов. В задачу статьи входит показать продуктивность обращения к не совсем очевидному и, на первый взгляд, туманному концепту — барокко, который, однако, придает стройную ясность для целого ряда аспектов функционирования экономического знания в эпоху XVII–XVIII веков⁴.

«Жемчужина неправильной формы» в архитектуре, музыке и литературе

Историю архитектуры, музыки и литературы объединяет с историей экономической мысли то, что более поздние названия и концепции пытаются поймать неменяющийся инвариант, каталогизировать историю. Это зачастую сильно упрощает историю и вчитывает в нее те явления, которые не были характерны для тех или иных ее периодов. Классификации часто больше говорят о *настоящем*, чем об ускользающем прошлом. Стили, эпохи, школы сменяют друг друга, и каждое новое поколение заново описывает, переживает, примеривает этот изобретенный прошлыми поколениями наряд в облике Ренессанса, маньеризма, барокко, классицизма, Средневековья, меркантилизма (камерализма) или классической политической экономии.

Эпоха меркантилизма, или камерализма, по времени соответствует эпохе барокко в искусстве — XVII–XVIII века. Эти понятия в искусстве и экономике объединяет то, что они первоначально появились в пейоративном, отрицательном смысле. Сначала их объединяло презрение более просвещенной эпохи классицизма второй половины XVIII века, затем их объединило положительное переосмысление в XIX веке — начале XX. Есть определенный параллелизм между ретроспективной концептуализацией истории искусства, проделанной Якобом Буркхардтом и Генрихом Вёльфлином, и концептуализацией истории экономики и экономической мысли, предложенной Густавом Шмоллером и Эли Хекшером⁵. Буркхардт и его

4. В более широком контексте хотелось бы инициировать работу по переосмыслению истории экономической мысли по примеру того, как это сделано в области политической теории, где заметен вклад Кембриджской школы (Квентин Скинер), а также в истории понятий (Райнхарт Козеллек).

5. *Heckscher E. Mercantilism. Vol. I–II. N. Y.: Macmillan Co., 1935; Schmoller G. The Mercantile System and Its Historical Significance. N. Y.: Macmillan Co., 1897.*

ученик Вёльфлин к концу XIX века формируют представление о барокко в искусстве. Барочный стиль определяется ими в самом широком смысле как переход от линейности к живописности, от закрытых к открытым формам, от множественности к единству, от ясности к туманности⁶.

Вёльфлин рисует барокко на фоне Ренессанса. Барочному стилю в архитектуре свойственны своенравие, причудливость, необычность, оригинальность (*capriccioso, bizzarro, stravagante*)⁷. Барокко — это даже не стиль, а его отсутствие, здесь на всем лежит нелепая нотка излишества, стремление к живописности, движению. Зрителя надо заразить, порадовать, опьянить и привести в экстаз. Отсюда грандиозность, величественность, массивность, использование иллюзий и обмана. Искусно выполненные складки скрывают фигуру, создают особое настроение. Характерные образы барокко: скульптура и архитектура Лоренцо Бернини (фонтаны на *Piazza Navona* в Риме или конная статуя Людовика XIV во дворе Лувра). Термины и метафоры Вёльфлина помогут нам точнее описать творчество камералиста Юсти.

Широкое понимание принципов барокко невозможно без объединения формального и конкретно-исторического подходов. Абстрактные положения начинают работать в изучении мотивов и поступков личностей. Как показал Корнелиус Гурлитт, такой конкретной исторической личностью становится для барокко фигура государя, а местом — его двор. Жизнь саксонского курфюрста Августа Сильного предстает предметом исследования и стягивающим центром, «символом посюстороннего христианского блеска», вокруг которого происходит связь всех элементов⁸.

Тонкий знаток барокко Александр Степанов в статье «Чем нам интересно барокко?» показывает актуальность барокко, выделяя такие его качества, как способность увлекать и услаждать, витальность, агрессивность и оптимизм, его универсальность⁹. Барокко в историческом плане оказывается помещено между эпохами Ренессанса и классицизма. «Пространство смещения вещей» (термин Мишеля Фуко),

6. Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб.: Азбука-классика, 2004.

7. Там же. С. 65.

8. См.: Чечот И. Барокко как культурологическое понятие. Опыт исследования К. Гурлита // Барокко в славянских культурах / А. Липатов, А. Рогов и др. (ред.). М.: Наука, 1982. С. 326–349.

9. Степанов А. Чем нам интересно барокко? // Логос. 2018. № 4. С. 200; см. также его статью, публикуемую в данном номере журнала.

синтетическую игру с аллегориями и иллюзиями венчает оперный театр. «Подлинным апофеозом мнимой барочной иррациональности, — подчеркивает Степанов, — стал общедоступный коммерческий оперный театр. Я считаю оперный театр — во всех его составляющих, от либретто, музыки и вокальной техники до финансовой деятельности импресарио, архитектуры ярусного зрительного зала и сценографических чудес, — главным художественным изобретением барокко. Что грандиозная эстетическая машина, называемая барочным оперным театром, просто не могла бы существовать и работать без изощренной деятельности ума, это, я полагаю, не нуждается в доказательствах»¹⁰.

Термин «барокко» не сразу прижился в музыке. Барокко — «жемчужина неправильной формы», «схоластический силлогизм», «дикобразность», грубое, неуклюжее, фальшивое, пышное, преувеличенное, синоним странности, произвола, перегруженности, изломанности. Такое начальное понимание барокко как нельзя лучше иллюстрирует характеристика барочной музыки, данная Жан-Жаком Руссо в «Музыкальном словаре» 1767 года:

Барочная музыка — это такая, в которой гармония неясна, затемнена модуляциями и диссонансами, пение жесткое и мало естественное, интонация трудная и движение стесненное¹¹.

Положительное переосмысление барокко в музыке наступило позже. «Барочная музыка» Монтеверди, Пёрселла, Вивальди стала общим местом, хотя изначально термин «барокко» считался запутанным и малоподходящим. Сегодня даже не специалисту в музыке ясно, что между музыкой Ренессанса и классической была музыка барочная. Изначальное значение нестандартности, странности заменяется уже более отражающими стиль характеристиками галантности, орнаментальности, вычурности. Джордж Бюлов приводит схематические обобщения, связывающие барокко в музыке с философскими, теоретическими понятиями. Для парадигмы барокко характерен гуманизм, когда слова связаны с музыкальной экспрессией, патетикой, аффектами, когда сильна доктрина контрапункта, когда имеет значение риторика, практики исполнения и обучения слушателя. Идеальным способом вопло-

10. Там же. С. 200.

11. Цит. по: Виппер Б., Ливанова Т. Ренессанс. Барокко. Классицизм: проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII веков. М.: Наука, 1966. С. 265.

щения становится монодия, мадригал, опера, кантата, fuga, камерные сонаты, церковные хоралы с речитативами, а музыкальное произведение дополняется импровизацией и вариативной техникой. Уже к середине XX века термин «барочная эпоха» приходит и закрепляется в сфере музыки — барокко в самом общем смысле используется для обозначения периода или стиля в европейской музыке 1600–1750 годов¹².

Допустимо говорить и о барочной литературе. Несмотря на методологические оговорки об использовании стилистических «этикеток», Вальтер Беньямин в «Происхождении немецкой барочной драмы» показывает пользу в различении между Ренессансом и барокко. Барочному стилю соответствует напыщенность, избыточность, тяжеловесность, непрозрачность высказывания, стремление к пафосу, непривычным словообразованиям и неологизмам. Беньямин вслед за Фрицем Штрихом настаивает, что немецкая поэзия XVII века не может быть охарактеризована как ренессансная:

Стиль [этой] поэзии следует считать, скорее, барочным, хотя для этого следует не просто иметь в виду напыщенность и избыточность, а более глубокие творческие принципы¹³.

Барочная поэзия наставляет и развлекает. Беньямин подчеркивает особый волевой импульс: «барокко — эпоха не определенной художественной практики, а, скорее, неукротимого художественного воления (*Wollen*)»¹⁴.

Не ускользает от Беньямина и новое место автора:

Барочный литератор ощущал себя полностью привязанным к идеалу абсолютистского государственного устройства, поддерживаемого обеими религиозными конфессиями¹⁵.

Немецкая литература XVII века и не революционна, и не держит дистанции по отношению к государственным идеям Возрождения. Барокко охватывает в равной степени и Реформацию, и Контрреформацию. Монархи состязаются

12. Bukofzer M. Music in the Baroque Era from Monteverdi to Bach. N.Y.: W.W. Norton & Company Ltd., 1947; Buelow G.J. A History of Baroque Music. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004.

13. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 34.

14. Там же. С. 39.

15. Беньямин В. Указ. соч. С. 40.

и стремятся поразить воображение. Берлин и Гота сходятся с Парижем и Веной. Барочный автор может путешествовать и колесить между разными центрами, при необходимости даже меняя религиозную конфессию.

Барочный стиль — общее место истории искусства: архитектуры, музыки, литературы. В попытке свести многообразие явлений к общим характеристикам, как правило, выделяют такие черты барочности, как напыщенность, вычурность, избыточность, непривычность, причудливость, грандиозность, массивность, агрессивность, а также стремление увлечь и поразить, затемнить высказывание, создать иллюзию.

Барочные черты камерализма

Если обратиться к истории экономических идей, то законодателем классической эпохи в экономике стал Адам Смит. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» 1776 года Смит целых восемь глав посвящает критике так называемой *mercantile system* — системе взглядов, в рамках которой деньги оцениваются как главное богатство, в интересах немногих производителей поддерживается протекционизм в ущерб многим потребителям. Выступая за свободу торговли, он согласен мириться только с соображениями военной безопасности, но не с перекосом в сторону контрабандистов, не с абсурдным стремлением производить в Шотландии вина лучше бургундских.

Положительно переосмысливая меркантилизм, шведский экономист Эли Хекшер видит его как мышление государственных интересами, сопровождающееся созданием национальных государств, Великими географическими открытиями, возникновением новых колоний, процессами унификации и объединения, усилением роли светской власти. Не ускользает от Хекшера резкая граница между меркантилизмом и Средневековьем в их социальной концепции. Для эпохи меркантилизма в отличие от Средневековья характерно гораздо более благожелательное отношение к торговле, проценту, роскоши. Один из ключевых моментов в меркантилизме — это положительное отношение к регулированию экономики. Мудрая экономическая политика может помочь государю и подданным. Регулирование в торговле направлено на положительный торговый баланс, регулирование денег состоит в уменьшении вывоза драгоценных металлов.

В промышленности оправдывается политика протекционизма, то есть поддержки внутренних производителей.

В нашу задачу входит показать, что камерализм плотнее, чем это может показаться, соотносится со стилем барокко. Это понятие появилось достаточно поздно — в XIX веке. Камерализм одновременно обозначает и университетскую науку (самоназвание — *камеральные науки*) и эпоху в экономической истории (XVII–XVIII веков), и практику фискального управления национальным государством посредством «камер», «коллегий». Один из ведущих знатоков камерализма Марк Раев, в известной книге *The Well-Ordered Police State*¹⁶, опираясь на широкую дискуссию в Германии 1950–1960-х годов, охарактеризовал барокко как формулу, стиль, общие скобки, объединяющие абсолютизм, Реформацию и Контрреформацию. Раев признавал «барочный дух» немецкого камерализма¹⁷, который связывал с новыми запросами на поддержание постоянной армии, фортификационных сооружений и дорог; с усилившейся заботой о публичности власти, которая демонстрировала свое величие и славу не только в Испании, но и при пуританских протестантских дворах. Новые запросы требовали большей национальной продуктивности, более живой международной торговли. Последняя, в свою очередь, развивалась благодаря моде и стилю жизни, который стал возможным вследствие географических открытий и колонизации. Камерализм как система убеждений и практика пересекается с такими понятиями, как модернизация, строительство национального государства, патриотизм, рационализация, секуляризация, рост бюрократии, барочный стиль.

Современный интерес к камерализму как особой эпохе и типу мышления не в последнюю очередь связан с концепцией *gouvernementalité* Мишеля Фуко, которая освежила интерес к камерализму, связав последний с организацией управления населением, территорией, безопасностью, биополитикой, вывела камерализм как явление в междисциплинарное пространство эпистемологического понимания истории¹⁸. Государство, образование, народонаселение, со-

16. Raeff M. *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven, L.: Yale University Press, 1983.

17. Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach*// *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80. P. 1223.

18. Foucault M. *Governmentality*// *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*/G. Burchell, C. Gordon et al. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1991.

циальное попечение, тюрьмы, гражданское общество и мораль — все становится предметом управления. Забота о благе осуществляется самими управляемыми. Для камерализма характерен следующий словарь: благосостояние, счастье, население, процветание, регулирование налогов, наказания, формирование физической и психической нормальности. Задача полиции — блюсти процветание сообщества, чтобы его члены преуспевали, предохранять от всего, что препятствует общественному благу. К этому ведут хорошие манеры, вежливое общество, чистота нравов.

Йозеф Шумпетер видел в камерализме преимущества гармоничного сочетания крайностей полной свободы торговли и центрального регулирования. Ему принадлежат известные характеристики камерализма: *a laissez-faire plus watchfulness* или *laissez-faire with the nonsense left out*, то есть осмысленная свобода торговли с осторожностью и обдуманностью¹⁹. Раев формулирует это следующим образом:

Совершенно очевидно, что с самого начала в этот подход была заложена двусмысленность, поскольку он балансировал между репрессивным контролем и поощрением предприимчивости и инициативы²⁰.

Камерализм исходит из патерналистского отношения власти к народу, он строит свою программу на динамизме элит, но не в силах воздействовать на аморфность населения. Камерализм стремится построить благополучие государя на счастье и пользе подданных, но в то же время выступает за сохранение абсолютизма и того порядка, который сложился, то есть в этом смысле представляет более чем консервативную идеологию.

Кроме сложного сочетания свободы и регулирования, которое либо импонировало, либо озадачивало, камерализм вызывал ряд вопросов, которые иногда ставили в тупик. Не совсем понятно, каково теоретическое основание тех или иных концепций и конкретных предписаний. Некоторые называют

Р. 87–104; Dean M. Governmentality. Power and Rule in Modern Society. L.: SAGE, 1999; Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011; Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité, Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 179–220.

19. Schumpeter J. History of Economic Analysis. L.: Routledge, 1986. P. 168.

20. См.: Raef M. The Well-Ordered Police State... P. 1226.

основой камерализма теорию естественного права, естественную историю или философию Христиана Вольфа. Это отчасти верно. Вместе с тем камерализм XVII века в своих основах весьма вариативен и многолик. Так, в трактатах камералистов Шредера и Бехера активно используются как теологические аргументы (Божественная воля, первородный грех), так и алхимические представления о материи. В частности, они были уверены, что золото можно получить из других металлов или даже из дунайских песков. Бехер настолько целенаправленно рассуждал о физической материи, что даже считался одним из авторов концепции флогистона. Получается, что камерализм — и это нормально для периода в два столетия — трудно собирается в последовательное учение с едиными основаниями. В фокусе — правильное управление территорией, населением, безопасностью через фискальные меры, общие принципы организации, через экономическую политику, посредством моральных предписаний. Тем не менее для понимания значения деятельности камералистов не хватает более глубокого проникновения в мотивы, которые заставляли их писать массивные трактаты, искать способы донести до монархов свои исключительные способности в управлении. К чему такая всеядность и многогранность? К чему неуемная подвижность и желание поразить, обаять и в то же время не слишком прояснить дело, навести многословную интригу? Почему такой пафос, огромный замах на системность и всеохватность? К чему такая манера письма и известное прожектерство — смелое и комичное одновременно? В каких-то случаях именно наложение двух «этикеток», двух понятий (камерализм и барокко) даст лучшее понимание явления, с которым мы имеем дело. Это позволит снять излишние требования, а значит, и обвинения, а также понять мотивы и действия.

Барокко — хороший объединяющий термин. Он показывает единые процессы, идущие в разных европейских столицах. Как говорится в работе Рихарда Алевина «Барочные празднества»:

Вплоть до Варшавы, Стокгольма и Петербурга все дворы превращаются в планеты единой Солнечной системы, вращающиеся отнюдь не вокруг государственной власти, а вокруг праздничного блеска Версаля²¹.

21. Цит. по: *Hubatsch W.* Barock als Epochenbezeichnung. Zu neuerem geschichtswissenschaftlichen Schrifttum über das 17. und 18. Jahrhundert// *Absolutismus/ W. Hubatsch* (Hrsg.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. S. 271.

Праздничный блеск Версаля — это необходимый атрибут власти, это признание спасительной энергии роскоши, которая дает работу умелым и помогает интенсивно заимствовать. Версаль требует воплощения излишка, требует своей архитектуры, своей литературы, своей музыки и пиротехники, а также восторженных зрителей, сборщиков налогов, советчиков и прожектеров, особых людей — людей барокко.

Юсти как человек барокко

У Вёльфлина барокко выражается в едином стиле архитектурных и живописных форм. Чистые формы становятся единицами анализа: перспектива, линейность, складки. Для философов — это определенные отвлеченные понятия. Барочный стиль в литературе предполагает орнаментальность, использование определенного типа риторики и средств выразительности. Историки увидели в барокко фигурную скобку, которая более точно, чем абсолютизм или Реформация (и Контрреформация), охватывает весь исторический период в его многообразии.

Когда мы характеризуем исторический период в истории экономической мысли, то и тут термин «барокко» более точно улавливает элементы стиля. Как объяснить колоссальную результативность, перемену тем, профессий, настроений и мест? В этом можно увидеть поверхностность, излишнюю увлеченность, сменяемую разочарованиями. Но вместе с тем есть угол зрения, который многое объясняет и придает цельность личности. Это разнообразие способен вместить в себя термин «человек барокко» или «барочная личность». В такой оценке кажущиеся противоречия будут сглаживаться и за многообразием действий, за уникальностью биографии и устремлений будет проступать единая линия.

Вальтер Хубач в контексте обзора исторической литературы о барокко приводит в пример исследование Фридриха Германа Шуберта о Людвиге Камерариусе, находившемся на пфальцской и шведской службе (1573–1651) и время от времени оказывавшем достаточно заметное влияние на события Тридцатилетней войны. «„Барочное“ чувство жизни можно вывести, — пишет Хубач, — как из беспокойных странствий этого канцеляриста и посланника, так и из свойственных ему постоянных колебаний между исполненным радостной надежды ожиданием осуществления его проектов причудливых альянсов и упадническим настроением, со-

провождавшимся депрессиями и самыми дурными опасениями. Почтение к шведскому королю Густаву II Адольфу Кармериусу выражает в стиле барочного героического культа, называя его Гидеоном или Сципионом Африканским»²².

Для середины XVIII века нет, пожалуй, более признанного ученого, чем Карл Линней из Упсалы. В 1749 году под его руководством публикуется диссертация Исаака Биберга *Oeconomia Naturae*²³. «Экономика природы», которую сегодня называли бы экологией, оказывается «стоической, удивительно современной и <...> барочной»²⁴. Творчество Линнея неразрывно с фундаментальной метафорой позднего барокко — *Theatrum Mundi*, где каждый субъект играет на сцене жизни. В этой связи биолог Гер Хестмарк не без пафоса разъясняет:

Как сладострастный живописец, Линней наслаждался великолепием жизни, ее прекрасными «костюмами», чувственной привлекательностью и показной экстравагантностью, восхитительными цветами, формами и адаптациями, впечатляющими приспособлениями для сохранения, выживания, защиты, нападения, секса и размножения, спаривания и опыления, способами распространения и воспитания детей²⁵.

Наряду с анатомическим театром появляется и экономический театр (*Theatrum Economicum*), который был учрежден в Упсале в 1754 году Андерсем Берхом, чтобы в отдельно стоящем здании поражать студентов и публику теми новшествами и улучшениями, которые можно продемонстрировать в сельском хозяйстве, ремесле и изготовлении товаров²⁶.

Раскрытию исторической личности *l'uomo barocco* в XVII веке была посвящена одноименная книга под редакцией Розарио Виллари²⁷. Авторы этого сборника представили со-

22. Ibid. S. 272.

23. См. перевод на английский язык: *Biberg I. The Economy of Nature // Miscellaneous Tracts Relating to Natural History, Husbandry, and Physick*. 2nd ed. L.: Dodsley, 1762. P. 37–130.

24. *Hestmark G. Oeconomia Naturæ L. The ecology of Linnaeus was Stoic, Baroque and surprisingly modern // Nature*. 2000. Vol. 405. № 6782. P. 19.

25. *Hestmark G. Op. cit.*

26. *Wennerlind C. Theatrum Economicum: Anders Berch and the Dramatization of the Swedish Improvement Discourse // New Perspectives on the History of Political Economy / R. Fredona, S. Reinert (eds)*. L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 103–130.

27. *Baroque Personae / R. Villari (ed.)*. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1995.

бирательные образы государственного деятеля, военного, финансиста, секретаря, повстанца, монаха, миссионера, ведьмы, художника, и, наконец, ученого и буржуа. Понятие «барокко» используется в ней не по отношению к литературе и искусству, но по отношению к институтам, идеологиям, образам мышления и социальным структурам. Барокко хорошо передает стремление к величию, напряжение эпохи, сочетание неразрешимых противоречий, конвульсий и мятежей. Во Франции Людовика XIV с кардиналом Ришелье не было единства, но в итоге все разнонаправленные усилия приводили к утверждению нового типа государства, государства блеска и величия, как и в скульптурах Бернини²⁸.

Наиболее ярким и наиболее известным камералистом стал Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти (1717–1771) — талантливый организатор, активный писатель, путешественник, который служил в Вене, Гёттингене, Алтоне, Гамбурге и Берлине. Юсти начал со службы в саксонской армии, затем учится в Виттенберге в 1742–1744 годах, с 1745 года приступает к публикации журнала, в 1747-м получает премию Королевской академии Пруссии за критику монадологии Лейбница и естественного права Вольфа. В 1750 году он возглавил кафедру академии Терезианум в Вене, затем переезжает в Лейпциг. В Гёттингенском университете читает курсы по камеральным наукам и одновременно следит за нравственностью преподавателей, занимая позицию полицейского комиссара. С 1757 года Юсти уже в Дании. Наконец, он получает должность инспектора горных шахт в Пруссии с задачей наладить выпуск чугуна. Эта затея не вышла, пришлось тайно закупать чугун в Швеции. За растрату Юсти попадает в заключение, где в 1771 году и заканчивает свой путь.

Учение Юсти предполагает, что неравенство, излишнее богатство отдельных подданных может представлять угрозу для государства, так же как наличие частных армий и фортификаций. Для внутренней безопасности важно поддерживать мораль и религию, не выделяя одну-единственную форму, предоставлять подданным невинные удовольствия и ограждать цензурой, опекать граждан от вредных идей и влияний; поддерживать законность, воспитывать подданных для того, чтобы не было воровства и бродяжничества.

В центре его учения — благополучие. Оно выражается в достаточном количестве товаров и благ, в наличии работы, в правильной циркуляции национальной валюты и рас-

28. Ibid. P. 2.

пределении, в разумных мерах по стимулированию роста населения, международной торговли и разработке природных месторождений. Росту населения способствуют различные свободы, включая свободу вероисповедания, особые условия для мигрантов, которые обладают средствами, идеями и навыками, борьба с излишним пьянством, забота о развитии медицины и чистоте городов. Торговля должна вестись произведенными в стране товарами, экспорт превышать импорт, важно поднимать коммерческий дух нации, способствовать ведению бухгалтерского учета. Добыча и переработка природных ископаемых и прежде всего металлов — прямая забота государства. Благополучие также касается выстраивания грамотной системы налогообложения, понимания всеми гражданами своих обязанностей и места в обществе, создания развитой системы финансов и организации администрирования²⁹. Тем самым безопасность государства и благополучие граждан — главная цель опеки и попечения, которые должны осуществляться людьми специально обученными.

Биография Юсти производит впечатление: ученый, лектор, литератор, чиновник, предприниматель, организатор (пусть и не всегда удачливый) производства чугуна, полицейский надзиратель, издатель журнала, автор шестидесяти девяти монографий на самые разные темы. Полная картина его наследия кажется слишком разнообразной и пестрой, трудно приводимой к единому знаменателю. И тут характеристика Юсти как человека эпохи барокко, или барочного человека, более чем уместна. Она становится той самой фигурной скобкой, в рамках которой кажущиеся противоречия сглаживаются, а многообразие становится частью барочной стратегии, отсутствие единства и своенравность, постоянное и неутомимое движение — нормой.

Попробуем представить биографию Юсти как барочно-го человека, используя словарь Вельфлина. Его биография живописна, достойна поэта, полна взлетов и падений, побед и трагедий. Барочный человек находится в движении, он колесит по свету, ему свойственны свобода и открытость греху, он заражает и поражает иллюзией своих знаний и умений, он источает ни на чем не основанный оптимизм, приводящий рано или поздно к разочарованию. Барочный человек чрезвычайно продуктивен и деятелен. В своих текстах он не обильно ссылается, его мысль не всегда четко выраже-

29. *Small A.* The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Chicago University Press, 1909. P. 329–393.

на, часто туманна, он беспорядочен, ему свойственна игра на увеличение влияния через объем и количество. В множестве томов — колоссальность замыслов, тяжелая, если не сказать тяжеловесная, массивность. Они как бы перекрывают друг друга через то, что мы сегодня бы назвали плагиатом. Производят своеобразную складку. В этом письме, в этом служении нет меры.

Юсти, одновременно получив позицию полицейского и профессора в Гёттингенском университете, доходит до того, что начинает следить за нравственностью других преподавателей и подвергать провинившихся аресту. Никогда ему нет покоя, никакое дело он не доводит до полного завершения, спеша к следующему. Смерть в тюрьме — лучший из возможных концов. Интерпретация Уэйкфилда сводится к тому, что Юсти занимался пропагандой, но сам не мог исполнить то, к чему призывал, не был достаточно честным. Это верно лишь в первом приближении. Такая интерпретация упускает понимание эпохи, понимание барочного человека. Не поиск ренты, не коррупция являются центральным мотивом, но постоянное движение, повышение ставок, агрессивность, способность поразить воображение, игра и оптимистическая, часто искренняя, вера в реализацию задуманного. Юсти попал в собственную ловушку, личным примером показав, что следование принципам морали — тот фундамент, без которого рецепты «хорошо управляемого государства» обращаются в свою противоположность — «в плохо управляемое государство»³⁰, но для барочного человека его путь остается логичным и симптоматичным.

Несложно увидеть, что названия книг и их декор во многом соответствуют барочным принципам. В 1760 году Юсти издает словарь экономических терминов в помощь тем, кто сам занимается сельским хозяйством и другими практически делами. Название звучало так: «Ономатология экономической практики, или Экономический словарь»³¹. Барочную гравюру для фронтисписа выполнил Август Винд по рисунку Готфрида Эйхлера Младшего (1715–1770) из Аугсбурга (рис. 1). Женские фигуры приглашают в чудесный мир экономического знания, с которого этот словарь снимает таинственную завесу. Тут и определенная театральность — занавес экономиче-

30. Wakefield A. The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.

31. *Justi J.G.G. von. Onomatologia oeconomica practica oder Oeconomisches Wörterbuch.* Frankfurt und Leipzig: Gaumischen Bandlung, 1760.

ского театра поднимается, открывается чудесная перспектива с аллегорией знания и светотеневыми затеями³².

Барочность сохраняется и при переводе Юсти на русский язык. В XVIII веке он стал одним из самых переводимых авторов в Российской империи³³. В журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» за 1763 год, где вышел первый перевод Юсти «О нужности и пользе мануфактур и фабрик», анонимный автор предисловия дал такую восторженную характеристику, отмечавшую необычайную разносторонность и плодovitость:

Господин фон-Юсти есть ныне один из прилежнейших писателей в Германии, а о книгах его можно с правдою сказать, что оне общепользны и сочинены изрядным порядком, ясным и приятным стилем. Он старается о действительной пользе человеческого общества и о приведении государств в цветущее состояние. Он чинит предложения к исправлению законов, к распространению коммерции и мануфактур, к умножению государственных доходов, к споспешествованию внутренней безопасности и способности к наставлению в добрых нравах и в добродетели. Он изъясняет иногда полезные материи до Натуральной науки, до Химии и до рудокопного дела касающиеся. Едва можно себе представить, как один человек столь много книг в малое время сочинить и издавать может³⁴.

Рискнем предположить, что во многом и само письмо Юсти, и его перевод на русский язык, могут быть охарактеризованы как барочные. «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния» в переводе Ивана Богаевского превращаются из двухтомника в четыре обширных тома³⁵. Другую книгу *Die Natur und das Wesen der Staaten* перевели как «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов», а на странице, следующей за оглавлением, как «Изображение существа народных

32. Благодарю за консультацию по барочной гравюре Александра Степанова.

33. Расков Д. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 4. С. 62–79.

34. Германия // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Июль. С. 91–92.

35. Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. СПб.: Императорская Академия наук, 1775.



РИСУНОК 1. Гравюра по рисунку Готфрида Эйхлера Младшего к «Экономическому словарю» Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти, 1760

обществ и естественного оных состояния, или Основательное знание мудрости правления, гражданства и всякого правительства»³⁶. *Glückseeligkeit* переводили как благосостояние,

36. Юсти И. Г. Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов. М.: Императорский Московский университет, 1770.

благополучие, благоденствие, *Policey* — благочиние, благоустройство, добронравие.

Юсти — не единственный камералист, творчество которого может быть описано как барочное. Иоганн Иоахим Бехер (1635–1682) считается создателем химической теории флогистона. Его трактаты включают работы о камнях, о металлургии, об универсальном языке, о дидактике, о землях Амазонии. Бехер работал над превращением дунайского песка в золото, над созданием вечного двигателя, был советником по торговле, разрабатывал план создания немецкой Ост-Индской компании, много описал об управлении³⁷.

* * *

Для понимания мотивов авторов, а также значения и формы выражения экономических идей в раннее Новое время возникает необходимость обращаться к категории барокко. Привычные абстрактные понятия: меркантилизм, камерализм, ранняя политическая экономия — оказываются недостаточными, чтобы понять намерения автора и комплекс его сочинений.

Стоит оговориться, что любое вспомогательное абстрактное понятие редуцирует многообразие явлений и сводит их к более обозримому и постигаемому в своем повторении. Вальтер Беньямин вслед за Конрадом Бурдахом называл такие понятия, как «барокко», «этикетками», однако не вполне разделял обеспокоенность относительно произвольности в выделении сходных, совпадающих свойств. Разумеется, этикетки — особенно до формирования консенсуса — являются в какой-то степени произвольными, они надевают на явления прошлого маски, сглаживают многообразие форм и явлений³⁸. По мысли же Беньямина, этикетка дает представление об эпохе и крайне необходима для понимания реальности.

Многие непонятные проявления экономической мысли становятся яснее через призму терминов барокко: избыточности, тяжеловесности, напыщенности, стремления к новому пафосу. Корпус такого рода произведений демонстрирует витальность, оптимизм, их идеи призваны производить

37. По мнению Албиона Смолла, Бехер может считаться камералистом: *Small A.* Op. cit. P. 107–135.

38. См.: *Вёльфлин Г.* Указ. соч. С. 21.

впечатление — увлекать и развлекать. Наряду с идеями имеет значение риторический орнамент, театральность, игра на повышение ставок, создание иллюзии понимания.

Мы наблюдаем параллельную историю, экономическая мысль вполне включается в общую барочную историю эпохи, экономический язык текстов, жестов и событий совпадает с формами и проявлениями в других сферах. Экстравагантные явления приобретают единство стиля, несурзанности и чрезмерная плодovitость нормализуются фигурной барочной скобкой. Барокко как эпоха в европейской культуре XVII–XVIII веков с очевидностью затрагивает и интеллектуальную историю экономической мысли.

Библиография

- Афанасьев А. А. Экономическая мысль в Испании XVI века — Саламанкская школа // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 4. С. 26–58.
- Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
- Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Виппер Б., Ливанова Т. Ренессанс. Барокко. Классицизм: проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII веков. М.: Наука, 1966.
- Германия // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Июль. С. 91–92.
- Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernemental-ité, Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 179–220.
- Расков Д. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. № 4. С. 62–79.
- Степанов А. Чем нам интересно барокко? // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 191–222.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Чечот И. Барокко как культурологическое понятие. Опыт исследования К. Гурлита // Барокко в славянских культурах / Под ред. А. Липатова и др. М.: Наука, 1982. С. 326–349.
- Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. СПб.: Императорская Академия наук, 1775.
- Юсти И. Г. Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов. М.: Императорский Московский университет, 1770.
- Baroque Personae / R. Villari (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 1995.
- Biberg I. The Economy of Nature // *Miscellaneous Tracts Relating to Natural History, Husbandry, and Physick*. 2nd ed. L.: Dodsley, 1762. P. 37–130.
- Buelow G. J. A History of Baroque Music. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004.
- Bukofzer M. Music in the Baroque Era from Monteverdi to Bach. N. Y.: W. W. Norton & Company Ltd., 1947.
- Dean M. Governmentality. Power and Rule in Modern Society. L.: SAGE, 1999.

- Foucault M. Governmentality//The Foucault Effect: Studies in Governmentality/ G. Burchell et al. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 87–104.
- Heckscher E. Mercantilism. Vol. I-II. N.Y.: Macmillan Co., 1935.
- Hestmark G. *Œconomia Naturæ* L. The Ecology of Linnaeus Was Stoic, Baroque and Surprisingly Modern//Nature. 2000. Vol. 405. № 6782. P. 19.
- Hubatsch W. Barock als Epochenbezeichnung. Zu neuerem geschichtswissenschaftlichen Schrifttum über das 17. und 18. Jahrhundert//Absolutismus/ W. Hubatsch (Hrsg.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. S. 268–287.
- Justi J.H.G. von. *Onomatologia oeconomica practica* oder *Œconomisches Wörterbuch*. Frankfurt; Leipzig: Gaumischen Bandlung, 1760.
- Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach//The American Historical Review. 1975. Vol. 80. P. 1221–1243.
- Raeff M. The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven; L.: Yale University Press, 1983.
- Schmoller G. The Mercantile System and Its Historical Significance. N.Y.: Macmillan Co., 1897.
- Schumpeter J. History of Economic Analysis. L.: Routledge, 1986.
- Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas//History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
- Small A. The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity. Chicago: Chicago University Press, 1909.
- Wakefield A. The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.
- Wennerlind C. *Theatrum Œconomicum: Anders Berch and the Dramatization of the Swedish Improvement Discourse*//New Perspectives on the History of Political Economy/R. Fredona, S. Reinert (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 103–130.

Baroque and Cameralism: Towards an Intellectual History of Economic Thinking

Danila Raskov. Helsinki Collegium for Advanced Studies (HCAS), University of Helsinki (UH), Finland, danila.raskov@gmail.com.

The Baroque, as an era and style in architecture, music, and literature, shares analogies with the history of early political economy. The main purpose of this article is to show that the use of the notion of *the Baroque* in the intellectual history of economic thinking provides a better understanding of both the corpus of works and the motivations of the authors. It is common to refer to the era preceding classical political economy as mercantilism or cameralism, as its German version. A close acquaintance with the most prominent figures of cameralism — such as Johann Joachim Becher and Johann Heinrich Gottlob Justi — raises questions. How can we understand such amazing productivity and desire to work simultaneously in such different fields, not limited to agriculture, finance, security, police, ethics, but touching upon law, natural philosophy, and natural sciences, humor, and such questions as making paints or turning sand into gold? Why are they so versatile and multifaceted? Why such immense mobility and desire to impress, charm and at the same time to create verbose intrigue, to intentionally obscure their meaning, to bring about a certain level of confusion? Why this manner of writing and the famous projectionism — those which are courageous and comic at the same time? In some cases, it is the juxtaposition of the two labels that will give a better

understanding of the corpus of texts—Baroque and Cameralism. In addition, states had new demands for maintaining a permanent army, for building roads and buildings, for displaying grandeur and glory. The festive splendor of Versailles needed a Baroque man. Many obscure manifestations of economic thought become clearer through the prism of Baroque terms. The corpus of works exhibits vitality, excess, a desire for a new pathos, and optimism.

Keywords: *baroque; cameralism; Johann Heinrich Gottlob Justi; economic thinking of early modern period; XVIII century.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2023-3-1-100-122

References

- Afanas'ev A. A. Ehkonomicheskaya mysl' v Ispanii XVI veka – Salamanskaya shkola [Economic Thought in Sixteenth-Century Spain – The Salamanca School]. *Ehkonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2004, vol. 40, no. 4, pp. 26–58.
- Baroque Personae* (ed. R. Villari), Chicago; London, University of Chicago Press, 1995.
- Benjamin W. *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* [Ursprung des deutschen Trauerspiels], Moscow, Agraf, 2002.
- Biberg I. *The Economy of Nature. Miscellaneous Tracts Relating to Natural History, Husbandry, and Physick*. 2nd ed., London, Dodsley, 1762, pp. 37–130.
- Blaug M. *Ehkonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect], Moscow, Delo, 1994.
- Buelow G. J. *A History of Baroque Music*, Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2004.
- Bukofzer M. *Music in the Baroque Era from Monteverdi to Bach*, New York, W. W. Norton & Company Ltd., 1947.
- Chechot I. Barokko kak kul'turologicheskoe ponyatie. Opyt issledovaniya K. Gurlita [Baroque as a culturological concept. The Experience of C. Gurlitt's Research]. *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in Slavic Cultures] (eds A. Lipatov et al.), Moscow, Nauka, 1982, pp. 326–349.
- Dean M. *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*, London, SAGE, 1999.
- Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78)], Saint Petersburg, Nauka, 2011.
- Foucault M. *Governmentality. The Foucault Effect: Studies in Governmentality* (eds G. Burchell et al.), Chicago, University of Chicago Press, 1991, pp. 87–104.
- Germaniya [Germany]. *Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh* [Monthly Essays and News of Scientific Affairs], 1763, July, pp. 91–92.
- Heckscher E. *Mercantilism*, vol. I–II, New York, Macmillan Co., 1935.
- Hestmark G. *Œconomia Naturæ L. The Ecology of Linnaeus Was Stoic, Baroque and Surprisingly Modern. Nature*, 2000, vol. 405, no. 6782, p. 19.
- Hubatsch W. Barock als Epochenbezeichnung. Zu neuerem geschichtswissenschaftlichen Schrifttum über das 17. und 18. Jahrhundert. *Absolutismus* (Hrsg. W. Hubatsch), Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973, S. 268–287.
- Justi J. G. G. von. *Onomatologia oeconomica practica oder Œconomisches Wörterbuch*, Frankfurt; Leipzig, Gaumischen Bandlung, 1760.
- Justi J. H. G. von. *Osnovanie sily i blagosostoyaniya tsarstv, ili Podrobnoe nachertanie vsekh znanii, kasayushchikhsya do gosudarstvennago blagochiniya* [Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten; oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policey-Wissenschaft], Saint Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1775.

- Justi J.H.G. von. *Sushchestvennoe izobrazhenie estestva narodnykh obshchestv i vsyako-go roda zakonov* [Die Natur und das Wesen der Staaten], Moscow, Imperatorskii Moskovskii universitet, 1770.
- Kaplun V. Perestat' myslit' "vlast'" cherez "gosudarstvo": gouvernementalíté, Governmentality Studies i chto stalo s analitikoí vlasti Mishelya Fuko v russkikh perevodakh [Stop Thinking "Power" Through the "State": Gouvernementalíté, Governmentality Studies, and What Became of Michel Foucault's Power Analysis in Russian Translations]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2019, vol. 29, no. 2, pp. 179–220.
- Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *The American Historical Review*, 1975, vol. 80, pp. 1221–1243.
- Raeff M. *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*, New Haven; London, Yale University Press, 1983.
- Raskov D. Kameralizm knig: perevody Yusti v Rossii XVIII veka [Camerarism of Books: Justi's Translations in the Eighteenth-Century Russia]. *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 62–79.
- Schmoller G. *The Mercantile System and Its Historical Significance*, New York, Macmillan Co., 1897.
- Schumpeter J. *History of Economic Analysis*, London, Routledge, 1986.
- Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas. *History and Theory*, 1969, vol. 8, no. 1, pp. 3–53.
- Small A. *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*, Chicago, Chicago University Press, 1909.
- Stepanov A. Chem nam interesno barokko? [What Interests Us About the Baroque?]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2018, vol. 28, no. 4, pp. 191–222.
- Schumpeter J. *Istoriya ehkonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis], vol. 1, Saint Petersburg, Ehkonomicheskaya shkola, 2004.
- Vipper B., Livanova T. *Renessans. Barokko. Klassitsizm: problema stilei v zapadnoevropeiskom iskusstve XV–XVII vekov* [Renaissance. Baroque. Classicism: the Problem of Styles in Western European art of the Fifteenth–Seventeenth Centuries], Moscow, Nauka, 1966.
- Wakefield A. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*, Chicago, The University of Chicago Press, 2009.
- Wennerlind C. *Theatrum Economicum: Anders Berch and the Dramatization of the Swedish Improvement Discourse. New Perspectives on the History of Political Economy* (eds R. Fredona, S. Reinert), London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 103–130.
- Wölfflin H. *Renessans i barokko. Issledovanie sushchnosti i stanovleniya stilya barokko v Italii* [Renaissance und Barock: Eine Untersuchung über Wesen und Entstehung des Barockstils in Italien], Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2004.